

ДИСКУРС БУДУЩЕГО УРАЛЬСКИХ МЕГАПОЛИСОВ: К СТРАТЕГИИ ГЛОБАЛЬНОГО ГОРОДА

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 13-03-00328

**Мартьянов
Виктор Сергеевич**

кандидат политических наук, ученый секретарь Института философии и права УрО РАН, член-корреспондент МАДИ
E-mail: martianovy@rambler.ru

На стыке XX–XXI веков вместе с Россией принципиально изменился и окружающий мир, возникли новые возможности, но также вызовы и угрозы. Появились новые центры экономического притяжения и политической силы в виде Китая, Индии, Бразилии. США как мировой политический и экономический гегемон утратили безусловное лидерство. Конкуренция на экономических рынках приобретает глобальный характер. Растут всеобщие ядерные, террористические и экологические угрозы, увеличиваются демографические и технологические диспропорции Севера и Юга. В начале XXI века после шоковых реформ и выхода России из «реанимации» со всей возможной остротой возник вопрос о ее будущем. Поэтому, несмотря на текущие проблемы – износ основных фондов, утечку мозгов и капиталов, расслоение доходов, превалирование сырьевого сектора, критику модели «суверенной демократии» – основная проблема в том, что российские граждане имеют полное право задуматься над своим ближним и отдаленным будущим. А вот с ответами на то, как изменившейся России и ее регионам эффективно действовать в не менее изменившемся мире сегодня и возникли наибольшие проблемы. Не случайно в науке, публицистике, литературе и фантастике произошел всплеск

интереса к жанру прогнозов, предсказаний, утопий и антиутопий¹.

Особого внимания в дискурсе нашего общего будущего заслуживает тот факт, что национальные государства как монопольные держатели правил и норм в экономике и политике с одной стороны теснят экстерриториальные ТНК, с другой – сети глобальных городов, аккумулирующие все большие человеческие ресурсы. Принципиальное значение в данном контексте приобретает стратегия малых или локальных утопий. Это планы, принципы и стратегии возможного развития российских мегаполисов, концентрирующих в своем пространстве подавляющую часть интеллектуальных, финансовых, силовых и иных ресурсов страны.

Урбанизация и сетевая глобализация ресурсов

В ходе глобализации ускоряется становление новых форм пространственной организации социальных, политических и экономических процессов, альтернативных по своему характеру суверенным национальным государствам. Одной из наиболее важных тенденций является формирование сети глобальных городов, которая становится важнейшим структурным элементом в новой организации мирового экономического и политического пространства надгосударственного уровня. Одновременно элементы этой сети традиционно рассматриваются как локальный уровень в системах государственного управления. Такая двойственность позволяет современным мегаполисам выполнять ряд инновационных социально-экономических и политических функций, служить узлами, аккумулирующими ресурсные потоки мирового уровня, закреплять и обеспечивать к ним доступ национальных экономик и социальных общностей.

Активизация включения крупнейших российских городов в сетевые структуры надгосударственного уровня открывает новые возможности для ускоренного социального и экономического развития и одновременно усиливает ряд рисков, связанных с функционированием в новых условиях. Эти процессы порождают запрос на разработку механизмов управления эффектами глобализации, связанными с трансформациями привычных пространственных структур и финансовых, экономических, людских потоков, определение оптимальных стратегий включения городов разного типа в глобальные сети, основных направлений развития потенциала российских городов.

Возрастающую роль в современном мире начинают играть городские агломерации с населением, превышающим 1 миллион человек. Подобные агломерации становятся глобальными городами, имеющими транснациональное значение². Глобальные города представляют своего рода образы будущего для остального человечества. В них формируется новая социальность, ценности и общественные нормы, которые затем становятся всеобщими.

Рост влияния таких трансграничных субъектов как ТНК и мировые города (*global city*), распространение частнопроводных режимов наряду с построением систем наднационального права показывают, что кооперация и интеграция мировых ресурсов предполагает добровольный и взаимный отказ государств от части своего суверенитета в пользу альтернативных политических акторов, в частности в пользу глобальных городов, лишь формально являющихся в национальной политике уровнем местного самоуправления³. Но реально объединяющих локальное, национальное и глобальное экономическое и социально-политическое измерения, когда население и экономическая мощь отдельных городов превосходят аналогичные показатели отдельных стран.

Более того, современные нации вполне можно рассматривать как исторически все более плотные сети и иерархии городов: трудно переоценить социально-политическое и экономическое значение того факта, что в 2009 году численность городского населения Земли впервые превысила 50% от общей численности человечества, продолжая увеличиваться по медианному прогнозу до 68–70% в 2050 году⁴. Здесь мультиэтнические

и мультикультурные глобальные города прямо выступают как ценностные, институциональные и управленческие прообразы будущего⁵.

Урал в концепции развития Россия-2020

Для изучения перспектив развития уральских мегаполисов рассмотрим официальные планы органов власти разных уровней в контексте более общих тенденций, закономерностей и возможностей для развития и трансформации индустриальных городов в глобальном мире, преимущественно на примере города Екатеринбурга. Роль мегаполисов в будущем человечества трудно переоценить. Глобализация мира как «мегатенденция» бросает вызов привычной системе наций-государств как основе современного политического пространства: «Для тех мегагородов или центров деятельности, которые станут движущей силой глобализации, связывающие их финансовые каналы и телекоммуникации, возможно, получат не меньшее, а то и большее значение, чем национальные границы»⁶.

В 2008 году на тему долгосрочного развития России появился первый официальный документ – «Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года» разработанная Министерством экономического развития (МЭРТ)⁷. Документ сразу же стал предметом оживленных дискуссий, споров и критики в экспертном сообществе и СМИ. В разделе документа посвященном анализу экономических возможностей уральского региона особо отмечалось наличие в регионе Большого Урала локомотивов развития в виде «крупных полифункциональных агломераций, из которых наиболее успешно развивается ведущий экономический центр Урала – Екатеринбург».

Согласно концепции-2020 стратегия развития крупных уральских мегаполисов нацелена «на инфраструктурную поддержку полицентричного и полифункционального развития». Речь идет о диверсификации уральской экономики, базирующейся на черной и цветной металлургии, машиностроении и «оборонке». И ключевую роль в диверсификации и обновлении уральской экономики должны будут сыграть такие финансовые, торговые, образовательные и рекреационные центры как Екатеринбург, являющейся третьей

по масштабу моноагломерацией (после Москвы и Санкт-Петербурга) с населением 2,18 млн. чел, из которых на долю Екатеринбурга приходится 1,38 млн. чел. Концепцией-2020 предполагалось достичь темпов роста уральского валового регионального продукта (ВРП) к 2020 году по сравнению с 2007 годом на 80–90%. Однако, мировой финансовый кризис, обретший затяжной характер, внес значимые коррективы в концепции-2020 всех уровней: федерального, регионального и местного. В настоящее время даже самый слабый, инерционный сценарий концепции-2020 обретает черты желанного и оптимистичного.

Концепция-2020 в качестве стратегии развития территорий предполагала приоритетную федеральную поддержку для инфраструктурных проектов Большого Урала: развитие полимагистральных коридоров Урал-Поволжье-Центр и Урал-портовые регионы; железнодорожного сообщения Екатеринбург – Курган; реконструкцию автомагистрали Екатеринбург – Челябинск – Казахстан. Планируется продление международного транспортного коридора Париж – Берлин – Москва – Нижний Новгород через Екатеринбург до Новосибирска. Сюда же можно добавить и проект скоростного железнодорожного сообщения по линии Москва – Казань – Екатеринбург – Новосибирск. Особое внимание планируется уделить развитию международного авиахаба в Екатеринбурге. В результате аэропорт «Кольцово» может превратиться в крупнейший международный авиаузел между Европой и Азией, предполагается, что в 2025 году объем перевозок авиапассажиров составит 6,27 млн. пассажиров в год.

Вместе с тем очевидно, что подобные инфраструктурные и логистические проекты будут осуществляться вне зависимости от текущей экономической конъюнктуры и особенностей функционирования политического режима, поскольку потребность в них обусловлена объективными долговременными требованиями современности. Более важным представляется другое – в федеральной концепции отсутствует понимание мегаполисов как особой экономической и социокультурной реальности, которая не может быть понята в рамках банальной вертикали власти национального государства. Эта реальность требует собственной эффективной стратегии

развития, основанной на все большей доли самостоятельности и принципах автономного развития, часто редуцируемого в России к архаичным межбюджетным трансфертам и иерархиям, где локальное должно быть подчинено региональному и федеральному.

Но подобное устаревшее «позиционирование регионов в системе координат «регион – Москва», «регион – Центр» играет на руку Москве и центральной власти. В такой системе координат регионы никогда не смогут самореализоваться, они навсегда останутся периферией, провинцией. Современное символическое позиционирование российского региона, намеревающегося не просто выживать, а развиваться, может быть только одним – по отношению не к Москве, а к СОВРЕМЕННОСТИ, к современной Европе, современному Китаю, к Японии, к США и т.д... Другими словами, нужно сделать символический пропуск хода, символически обогнав Москву... Пошаговая символическая стратегия устарела... Таким образом, Екатеринбург есть не «третья столица», не «столица Урала», не «столица УрФО», не антитеза Москве, не «столица Уральской республики», а современный европейский город. Территория Европы. Только так»⁸. На самом деле глобальные города локальны лишь географически и территориально, в остальных смыслах они транснациональны, то есть превосходят любые исторические национально-государственные измерения и форматы.

Концепция развития Свердловской области-2020

По аналогии с концепций МЭРТ РФ Свердловская область поспешила разработать собственный план развития-2020⁹. Существенным недостатком областной концепции развития является рассмотрение совокупных показателей по Свердловской области в целом. Между тем, социально-экономическое развитие внутри области осуществляется крайне неравномерно, а Екатеринбург и окраинные муниципалитеты демонстрируют эффект исторической неоднородности. Екатеринбург по структуре своей экономики и актуальным задачам развития серьезно отличается от остальной области. Если традиционно ведущими отраслями областной

экономики являлись черная и цветная металлургия, оборонно-промышленный комплекс, машиностроение, то в Екатеринбурге все больше доминирует сектор услуг. Город все менее производит что-то материальное, как в советские времена, а территории заводов и промышленные зоны активно передаются под новую жилую застройку («Уралобувь», ВИЗ, Центральный рынок и др.).

Постепенно к этой модели дрейфует и Свердловская область в целом: «если в 2000 году на производство товаров приходилось более 60% валового регионального продукта, то в 2008 году основную долю в структуре экономики занимало производство услуг – 53,1%»¹⁰. Согласно экспертному опросу журнала «Русский репортер»¹¹ Екатеринбург по суммарным показателям привлекательности проживания опережает остальные города-миллионники России. С другой стороны, несмотря на объективное первенство, по результатам опросов, связанных с субъективной удовлетворенностью жизнью, екатеринбуржцы находятся на 10-м из 12 мест среди российских городов-миллионников. Таким образом, чем активнее развивается Екатеринбург, тем серьезнее запросы у его жителей. И это нормальная, правильная ситуация, побуждающая к дальнейшему развитию, резервы которого далеки от исчерпания.

Екатеринбург в 2000-е годы действительно стал эффективной «воронкой», центром притяжения экономически активного населения, в том числе далеко за пределами Свердловской области. Город активно застраивается, формируется деловая и гуманитарная среда, практически ежегодно открываются консульства различных стран мира, умножаются представительства банков и крупных международных компаний. В городе концентрируется все больше капиталов. Инвестиционный потенциал города является одним из самых привлекательных в России, по этому показателю Екатеринбург занял первое место в рейтинге РБК в 2009 году¹². Город активно использует поток финансовых средств из северных территорий Тюменской области – ХМАО и ЯНАО. Наконец, Екатеринбург пользуется явными административными преимуществами и ресурсами, являясь административным центром УрФО, в нем располагаются Президиум Уральского отделения РАН и штаб центрального военного округа (ЦВО). Тем не менее, в региональной стратегии-2020

Екатеринбургу не хватает именно символического целевого позиционирования, выходящего за пределы ограниченных интересов и географии Свердловской области, когда город мог бы стать своего рода воротами области в глобальный мир. Не только засасывать в себя демографические и экономические ресурсы, превращая в пустыню прилегающее окружение, но и в свою очередь притягивать в Свердловскую область мировые стандарты бизнеса, идеи, технологии, способствующие формированию современной инфраструктуры и творческой среды. И здесь само качество жизни и работы, обеспечиваемое для каждого горожанина становится более важным приоритетом, чем цифры экономического роста, прибылей, увеличения городского бюджета и прочие абстрактные макроэкономические показатели.

Екатеринбург в 2025 году: элементы глобального города

На фоне свежих планов развития страны и области стоит особо отметить, что «Генеральный план развития Екатеринбурга на период до 2025 года» был утвержден Гордумой еще в далеком 2004 году. А его разработка возникла в самом начале 2000-х годов. Екатеринбург одним из первых в России обратился к мировому опыту стратегического планирования городского хозяйства. В генплане-2025 учтен мировой опыт инновационного развития таких традиционных промышленных центров как Манчестер, Ливерпуль, Чикаго, Детройт и др. В 2010 году был принят обновленный и скорректированный «Стратегический план развития муниципального образования «город Екатеринбург» до 2020 года»¹³.

Согласно красноречивой статистике «до 85% городов в России росло вокруг крупных промышленных предприятий, которые в условиях рыночной экономики оказались невостребованными»¹⁴. Очевидно, что в настоящее время историческая концепция уральских городов как старопромышленных городов-заводов безнадежно устарела. Необходимость их поддержки после периода советской индустриализации и открытия «закрытых» в советский период городов не очевидна, а ресурсы этой поддержки исчерпаны. Согласно официальным цифрам, в Свердловской

области из 47 городов – 33 являются монопрофильными. Это города, образованные вокруг градообразующего предприятия. Монопрофильные города зависят от колебаний базовой отрасли экономики сильнее, чем те, что параллельно развивают несколько ключевых отраслей. А кризис профильной отрасли оборачивается фатальными следствиями для города.

Поэтому в генплане-2025 предполагается развивать Екатеринбург и позиционировать его для внешнего мира одновременно в нескольких приоритетных направлениях: административно-политический центр Уральского федерального округа; столица Уральского экономического района; культурный и туристический центр; научно-образовательный центр; крупнейший региональный торгово-финансовый центр; транспортно-логистический центр.

Заметим, что ни одна из стратегических целей не предполагает роста производства в реальном секторе экономики. Генеральный план Екатеринбурга-2025 предполагает в качестве главной цели трансформацию города из индустриально-хозяйственного образования «в современный многофункциональный центр с элементами мирового города». В долгосрочной перспективе будут сокращены серые пятна огромных промышленных зон в пользу иных видов экономической деятельности. Таким образом, производственные заводские площади будут постепенно перемещаться на периферию, а центр города получит новые возможности для развития передовых секторов экономики. К 2025 году планируется сократить территории производственного назначения на 1200 га, что составляет 15% от общей площади подобных территорий.

Предполагается, что Екатеринбург не будет испытывать в обозримом будущем дефицита рабочей силы. Несмотря на прогнозы о необратимом уменьшении численности населения России в целом, генплан Екатеринбурга предполагает, что население города возрастет к 2020 году до 1,4 миллиона человек. Этот прогноз не лишен оснований и возможно даже скорее пессимистичен, поскольку Екатеринбург демонстрирует стабильный прирост рождаемости. Рост также будет достигнут за счет миграции из Свердловской области и сопредельных регионов России, снижения смертности и роста продолжительности

жизни. При этом темпы прироста людей старших возрастов будут выше, а количество трудоспособных в относительных цифрах уменьшится. Не исключено, что Екатеринбург в ближайшее десятилетие может выйти с четвертого на третье место по численности населения в России, обогнав Новосибирск.

В стратегическом плане развития Екатеринбурга его разработчиками выделяются следующие слабые стороны города, которые необходимо будет компенсировать в ближайшем будущем¹⁵:

- удаленное положение относительно важных центров России, Европы, мира;
- расположение в зоне континентального климата с характерными для Урала погодными аномалиями;
- высокая степень износа основных производственных фондов, приводящая к трудно преодолимому технологическому отставанию;
- изношенность городской инженерной инфраструктуры, общественного транспорта;
- высокая загруженность улично-дорожной сети и недостаточное качество дорожной инфраструктуры;
- наличие объектов производственного назначения в черте города, затрудняющих развитие дорожной инфраструктуры;
- недостаточное развитие системы городского скоростного транспорта, связывающей все районы города;
- значительная дифференциация населения по уровню доходов;
- невысокий уровень общественной безопасности;
- невысокий уровень экологической безопасности города;
- ограниченные рекреационные возможности.

Превращение Екатеринбурга в мировой город предполагает умножение и диверсификацию материальных и символических ресурсов. Причем символическое позиционирование Екатеринбурга как мирового, глобального города неизбежно влечет в виде закономерного следствия рост вполне материальных инвестиций в него. Согласно генплану-2025 в ближайшие десятилетия в городе изменится само соотношение сфер материального производства и сферы услуг в пользу последней.

Все это позволит Екатеринбургу выйти за рамки таких неэффективных локальных идентичностей и самоопределений как «столица Урала», «граница Европы и Азии» либо «третья столица» и стать действительно космополитичным мировым городом. Местом притяжения капиталов, интеллекта и реализации различных деловых и культурных проектов. В глобализирующейся экономике любые географические границы отходят на второй план, открывая все новые возможности. И вместе с тем подобные возможности реализуют те города, которые способны предложить миру нечто уникальное и неповторимое. Для этого не обязательно искать некую локальную историю или идентичность в рамках сомнительной дисциплины «уралистика», что-то мучительно преодолевать или вновь и вновь кого-то догонять. Скорее необходимо умение синтезировать имеющиеся возможности, никого при этом не копируя. Создавая комфортную среду обитания для населения, гостей и туристов.

Особую важность в данном контексте приобретает способность Екатеринбурга к всестороннему развитию человеческого потенциала. Совокупный человеческий потенциал включает в себя всю сумму успехов в таких сферах как качество и доступность для населения жилья, образования, здравоохранения, культуры, досуга и спорта. Современный мир можно условно поделить на три группы стран. В слаборазвитых экономиках основную долю в произведенном продукте составляют природные ресурсы. Человеческий потенциал там практически не задействован, а люди рассматриваются как мешающее крупным корпорациям население, занимающее богатую ресурсами территорию. В более развитых странах в цене лишь механический человеческий труд конвейерного типа. И лишь у ведущих экономик мира, в мировых городах доля человеческого потенциала и творческого труда в конечном продукте достигает 60–70%.

Более того, сегодня в глобальном плане растет конкуренция не отдельных стран, а именно мировых городов, давно вышедших по своему культурному масштабу и экономическим связям за национальные рамки отдельных государств. Поэтому ориентация на эффект собственного локального развития города как некой целостности – концепции стратегического планирования,

«креативного города», символического брендинга малых территорий, становятся все более востребованными.

В глобальной экономике конкуренция отдельных компаний и регионов отходит на второй план. Мировые рынки становятся едиными. Это конкуренция вписана в планетарные движения технологий, капитала и трудовых ресурсов. Глобальный капитал очень подвижен, а сохранять преимущество отдельным городам все сложнее. Например, когда-то специалисты всего мира в области компьютерных технологий традиционно стремились попасть в Сан-Франциско, в район знаменитой «Силиконовой долины» (Калифорния). Но она будет все менее успешна, если потеряет глобальную монополию в данном сегменте рынка, что уже происходит. Поскольку тот же продукт уже сейчас может создаваться вдвое дешевле в мегаполисах Индии или России.

Реализация генплана-2020 позволяет в перспективе создать в Екатеринбурге центр экономического роста и притяжения капиталов не только регионального или российского, но и глобального масштаба. Выгодное географическое положение на перекрестке важнейших транспортных коридоров, значительный экономический, культурный и интеллектуальный потенциал города позволяют трансформировать его в городскую агломерацию мирового уровня, обладающую всеми необходимыми условиями и ресурсами в перспективе глобальной конкуренции с другими глобальными городами. Повышение общей конкурентоспособности Екатеринбурга в свою очередь будет способствовать привлечению в город все новых инвестиций и интеллектуальных ресурсов, развитию человеческого капитала его жителей.

Основная проблема в том, что усилиями только государства инновационной, высокотехнологичной экономики и уникальных технологий не создать. Всегда существует серьезный риск, что под прикрытием инновационной риторики многомиллиардные государственные инвестиции в никому не ведомые «нанотехнологии» и «информационные сектора экономики» будут освоены на иные нужды. При этом точечные инновации вовсе не тождественны более широкому процессу модернизации¹⁶. С другой стороны и бизнес, руководимый здравым смыслом, вовсе

не стремится надорваться и прыгнуть выше головы в «постиндустриальное общество», оценивая положение страны более реалистично, чем правительственные эксперты. В данном аспекте особое значение приобретает способность самого городского сообщества к самоорганизации и отстаиванию своих долгосрочных интересов.

Очевидно, что крупными городами нельзя более управлять централизованно как в советском прошлом, как будто все они являются неотъемлемой частью государства. Такое видение играет злую шутку с современными планировщиками и производителями утопий: «российские города продолжают развиваться так, будто государство по-прежнему создает 90% ВВП и способно руководить всеми общественными процессами. Вполне советские по своей изначальной структуре, наши города всё еще никак не избавятся от советской инерции – настолько жесткой оказалась эта структура, омертвленная в зданиях, сети улиц и площадей, коммунальном хозяйстве. Рыночные процессы неизбежно будут ломать традиционную структуру, порождая территориальное расслоение на богатые и бедные кварталы, угрожая образованием трущоб и этнических гетто, распахивая двери перед спекулянтами земель и недвижимостью, чьи манипуляции могут обойтись обществу крайне дорого – вплоть до всплеск гражданского протеста и беспорядков»¹⁷.

Представляется, что декларируемые приоритеты ближайшего будущего – институты, инфраструктура, инновации, инвестиции – не работает в принципе, если не будет одного условия – адекватного общественного сознания, которое инициировало бы потребности в создании и поддержании новых эффективных институтов и инновациях. Идеи обществоведов порождают институты, но институты сами по себе никогда не могут породить автоматически сознания, когда-то их инициировавшего. Яркий пример тому – копирование отечественными элитами западных экономико-политических институтов и рецептов в 1990-е годы, обернувшееся их массовой дискредитацией в российской практике. Любые эффективные институты, инновации и проекты могут развиваться лишь тогда, когда общество готово к восприятию новых целей, стратегий, приоритетов. Генерация общих ценностей, целей и приоритетов – это задача обще-

ствоведов. Не только понять закономерности общества, в котором живем, но и предложить варианты более эгалитарного и справедливого будущего для всех.

Наконец важным для развития Екатеринбурга представляется еще одно условие, связанное с запуском автономных механизмов саморазвития. Каким бы потенциалом инноваций не обладал тот или иной регион или город, заявить об этом миру может только сформированная в нем интеллектуальная элита. Она создает интеллектуальную и гуманитарную среду, осуществляя информационное и стратегическое позиционирование российских регионов и мегаполисов, повышая их символическую капитализацию. И если глобальные города задают образцы будущего для всех остальных, то для них той же функцией обладает креативный класс этих городов¹⁸, транслирующий постматериальные ценности и генерирующий капитализируемые идеи. Критическая масса таких людей и создает любой «живой», развивающийся город, вокруг которого наращивается инфраструктура, ресурсы и капиталы. Соответственно задача власти – воспитать или привлечь таких людей или как минимум не мешать их начинаниям, способствовать развитию конкурентной среды во всех сферах, не пытаясь их попутно монополизировать.

Литература:

1. Мартынов В.С. Прогностика дальнего прицела: в поисках будущего для России и мира // Полития, 2009. № 4. С. 61–74.
2. Панкевич Н. Мегаполисы в поисках суверенитета // Свободная мысль, 2009. № 11. С. 66–80.
3. Панкевич Н. Взаимодействие и трансформация правовых систем в процессе глобализации // ПОЛИТЭК, 2010. № 3. С.115–132.
4. World Urbanization Prospects. The 2009 Revision. – <http://esa.un.org/unpd/wup/index.htm>.
5. Панкевич Н. Мегаполисы в поисках суверенитета // Свободная мысль, 2009. № 11. С. 85–98.
6. Россия и мир в 2020 году. М., 2005. С.10.
7. <http://www.economy.gov.ru/minrec/press/news/doc1224245909936>.
8. Киселев К.В. Екатеринбург: территория Европы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nr2.ru/ekb/65484.html>.
9. Стратегия социально-экономического развития Свердловской области на период до 2020 года – <http://econom.midural.ru/prognoz/rps/580/>.
10. Там же. С. 6.
11. Русский репортёр. 2008. № 11 (41).
12. http://rating.rbc.ru/articles/2009/10/27/32600137_tbl.

- shtml?2009/10/27/32600083.
13. http://www.ekburg.ru/officially/strategy_plan/.
 14. Мишарин А.С., Клепач А.Н., Белоусов Д.Р. Посткризисное развитие России: модернизация, инновации и социальное государство. Перспективы до 2025 года. Екатеринбург, 2011. С. 119.
 15. http://www.ekburg.ru/officially/strategy_plan/strat_text/vtoroyrazdel/swot_test/.
 16. Иноземцев В. Инновации: иллюзии и реальность // Динамика инноваций; под ред. В. Супруна. Новосибирск, 2011.
 17. Смирнягин Л. Трудное будущее российских городов // Pro et contra, 2007. № 1. С. 58.
 18. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2005.

Фадеичева М.А.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИМВОЛИКЕ ИНДИИ И ШРИ-ЛАНКИ

Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований УрО РАН (научный проект № 12-У-6-1002 «Дискурс Soft Power в современных коммуникациях»).

Фадеичева
Марианна
Альфредовна

доктор политических
наук Академик МАДИ,
главный научный
сотрудник Института
философии и права
УрО РАН

В государственной символике, которая начинается с флага и герба, с древних времен отражались разделяемые правящими элитами политические ценности. Флаги и гербы должны были подчеркивать исключительные качества их владельцев, быть значимыми и выразительными. В процессе глобальной демократизации возникла необходимость сделать государственную символику выразительной, понятной и привлекательной не только для элиты, но и для народа. При смене общественного строя, формы правления, политического режима власть дорабатывает эти символы, стараясь подчеркнуть привлекательность новых политических идей и ценностей для большинства. Привлекая население с помощью общеразделяемых ценностей, власть рассчитывает на добровольное подчинение, признание и уважение. Иначе говоря, привлекательные политические ценности, заложенные в государственной символике, служат

одним из инструментов «мягкой власти» и способствуют легитимации установленного режима.

В глобальном мире для народов, независимо от их многообразных различий, привлекательными оказываются весьма близкие по содержанию политические ценности. Чем больше различий, тем больше поражает общее в базовых политических концептах, заключенных в символике. В немногочисленных работах по вексиллологии и геральдике по поводу государственных символов можно встретить некоторые отличия в их описаниях. При этом выявление идеологических смыслов политических концептов, которые символизируют цвета и элементы флагов и гербов, остаются вне исследовательского интереса. На основе вексиллологических и геральдических источников, описывающих государственные символы, с учетом содержащихся в них отличий, можно проделать обобщенную политологическую реконструкцию и анализ политических концептов, которые в них заключены, что позволит выявить сходство привлекательных и привлекающих политических ценностей и оценить их в качестве одного из инструментов мягкой власти.

Сходство концептов и близость ценностей находят выражение в цветах, фигурах, отдельных элементах государственных флагов и гербов. Это можно обнаружить при рассмотрении «кейсов» сходства на фоне различий. Интересным случаем «сходства на фоне различий» в этом отношении представляются Индия и Шри-Ланка. После Второй